

Часть первая
Эпоха катастроф

Глава первая

Эпоха тотальной войны

Шеренги серых лиц с застывшей маской страха,
Они стремятся к смерти из траншей,
А время глухо бьет на их запястьях,
Потупив взгляд и зубы сжав, надежда
Скользит в крови. Останови их, Иисус!

ЗИГФРИД САССУН
(Sassoon, 1947, p. 71)

Ввиду обвинений воздушных атак в “варварстве”, вероятно, было бы лучше для соблюдения приличий сформулировать менее жесткие правила и по-прежнему номинально ограничить бомбардировки только военными по виду объектами <...> чтобы не слишком подчеркивать тот факт, что воздушная война сделала такие ограничения устаревшими и невозможными. Вероятно, должно пройти время до того, как начнется следующая война, пока население не станет более образованным в вопросе значения военно-воздушных сил.

Правила авиационных бомбардировок, 1921 (Townshend, 1986, p. 161)

(Сараево, 1946.) Здесь, как и в Белграде, я вижу на улицах много молодых женщин с проседью или вовсе седыми волосами. Их лица измучены, но молоды, а формы тела еще больше выдают их молодость. Мне кажется, будто я вижу, как над головами этих слабых созданий прошла рука минувшей войны и осыпала их преждевременной сединой, сквозь которую просвечивает их молодость.

Эта картина не сможет сохраниться для будущего; головы этих женщин скоро еще сильнее поседеют, а затем и вовсе исчезнут с волнующейся поверхности прохожих. Жаль. Ничто лучше и красноречивее не сказало бы будущим поколениям о нашем времени, чем седые головы молодых, у которых целиком или частично украдена беззаботность и радость юных лет.

Пусть в этой заметке останется хотя бы память о них*.

ИВО АНДРИЧ.
Знаки вдоль дороги (Andrić, 1992, p. 50)

* Перевод А. Романенко.

“Во всей Европе гаснет свет, — произнес министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей, глядя на светящиеся в темноте огни Уайтхолла в ту ночь, когда Германия и Великобритания вступили в войну 1914 года, — и при жизни мы не увидим, как он зажжется вновь”. В Вене великий сатирик Карл Краус уже готовился написать на документальном материале выдающуюся антивоенную драму-репортаж, названную им “Последние дни человечества”. Оба они смотрели на мировую войну как на конец света и в этом были не одиноки. Концом света она не стала, хотя во время мирового конфликта, длившегося тридцать один год — с объявления Австрией войны Сербии 28 июля 1914 года и до безоговорочной капитуляции Японии 14 августа 1945 года (через четыре дня после взрыва первой атомной бомбы), были моменты, когда конец значительной части человечества казался не столь отдаленным. Несомненно, именно тогда Бог или боги, по мнению верующих создавшие наш мир и все в нем сущее, должны были сильно пожалеть о том, что сделали.

Человечество выжило. Тем не менее огромное сооружение цивилизации девятнадцатого века сгнуло в пламени мировой войны, когда рухнули опоры, на которых оно держалось. Не осознав этого, нельзя понять и сути двадцатого века. На нем лежит отпечаток войны. Он жил и мыслил понятиями мировой войны даже тогда, когда орудия молчали и рядом не рвались бомбы. Его история, и в особенности история исходного периода распада и катастрофы, должна начинаться с тридцати лет мировой войны.

Для людей, ставших взрослыми до 1914 года, контраст этот был столь драматичен, что многие из них, включая поколение родителей пишущего эти строки, по крайней мере жители Центральной Европы, вообще отказывались признавать неразрывную связь с прошлым. Слово “мир” означало для них “мир до 1914 года” — ведь потом пришло время, которое больше не заслуживало подобного названия. Это можно понять: до 1914 года в течение целого столетия не было ни одной значительной войны, т. е. войны, в которую были бы вовлечены все или большая часть государств, игравших главные роли на международной арене того времени, — шесть европейских “великих держав” (Великобритания, Франция, Россия, Австро-Венгрия, Пруссия, после 1871 года ставшая Германией, объединенная Италия), США и Япония. Была только одна непродолжительная война, где столкнулось более двух “великих держав”, — Крымская война 1854–1856 годов, в которой Россия воевала с Великобританией и Францией. Вообще, большинство войн с участием крупных государств было весьма скоротечно. Возможно, самым длитель-

ным в этот период был не международный конфликт, а Гражданская война в США (1861–1865). В то время продолжительность войн измерялась месяцами или даже (как в войне между Пруссией и Австрией в 1866 году) неделями. Между 1871 и 1914 годами в Европе просто не происходило войн, в которых армии крупных держав пересекали бы границу врага, хотя на Дальнем Востоке Япония воевала с Россией (1904–1905) и одержала победу, приблизив тем самым русскую революцию.

Мировых войн не было вообще. В восемнадцатом веке Франция и Великобритания участвовали в ряде конфликтов, поля сражений которых простирались от Индии через Европу до Северной Америки, пересекая мировые океаны. Но между 1815 и 1914 годами ни одна из главных держав не сражалась против другой за пределами своих ближайших владений, хотя захватнические походы империалистических (или претендующих на это) держав против более слабых заокеанских соперников были обычным явлением. В основном это были захватнические войны с неравными возможностями, как, например, войны США против Мексики (1846–1848) и Испании (1898) и различные кампании по расширению границ британской и французской колониальных империй, хотя пару раз побежденные все же восставали: например, когда французы вынуждены были в 1860-х годах уйти из Мексики, а итальянцы в 1896 году — из Эфиопии. Даже самые грозные конкуренты современных государств, чьи арсеналы постоянно пополнялись самыми передовыми орудиями уничтожения, могли в лучшем случае надеяться только на отсрочку неминуемого поражения. Подобные экзотические конфликты скорее служили материалом для приключенческой литературы или газетных отчетов о технических новшествах середины девятнадцатого века, чем напрямую затрагивали большинство населения государств-победителей.

Все изменилось в 1914 году. В Первую мировую войну оказались втянуты *все* крупные мировые державы и фактически все европейские государства, за исключением Испании, Нидерландов, трех скандинавских стран и Швейцарии. Кроме того, заокеанские страны посылали войска за пределы собственных территорий, часто впервые. Канадцы воевали во Франции, австралийцы и новозеландцы ковали свое национальное самосознание на полуострове в Эгейском море (мыс Галлиполи стал их национальным мифом), и что еще более важно, Соединенные Штаты не прислушались к советам Джорджа Вашингтона, предостерегавшего от “европейских сложностей”, и послали свои войска в Европу, предопределив тем самым ход истории двадцатого века. Индийских солдат отправляли воевать на Ближний Восток и в Европу, на Западе появились китайские трудовые батальоны, а во французской армии сражались африканцы. Хотя военные действия за пределами Европы и не имели принципиального значения (за исключением ближне-

восточных операций), война на море опять приобрела всемирный характер: ее первое сражение произошло в 1914 году у Фолклендских островов, а решающие кампании с участием немецких подводных лодок и транспортного флота союзников развернулись над поверхностью и в глубинах северных морей и Атлантики.

То, что Вторая мировая война являлась *мировой* без всяких преувеличений, вряд ли требует доказательств. Добровольно или нет, в нее были вовлечены фактически все независимые государства мира, хотя республики Латинской Америки участвовали в ней лишь в самой незначительной степени. Колонии имперских держав в этом вопросе вообще не имели выбора. За исключением будущей Ирландской Республики, Швеции, Швейцарии, Португалии, Турции и Испании в Европе и, возможно, Афганистана за ее пределами, фактически все страны земного шара были вовлечены в войну, или подверглись оккупации, или пережили и то и другое. Что касается полей сражений, то названия островов Меланезии и поселений в пустынях Северной Африки, Бирме и на Филиппинах стали не менее известны читателям газет и слушателям радио (по существу это была война информационных сводок), чем названия сражений в Арктике, на Кавказе, в Нормандии, под Сталинградом и Курском. Вторая мировая война стала уроком мировой географии.

Локальным, региональным и глобальным войнам двадцатого века суждено было стать гораздо более широкомасштабными, чем все происходившие ранее. Из семидесяти четырех международных войн, имевших место между 1816 и 1965 годами, которые американские специалисты, любящие заниматься подобной статистикой, классифицировали по количеству убитых на поле сражения, четыре главные произошли в двадцатом веке: две мировые войны, война Японии против Китая в 1937–1939 годах и Корейская война. На полях сражений в каждой из них было убито более миллиона человек. В самой массовой документированной международной войне в девятнадцатом веке после Наполеона, войне между Пруссией (Германией) и Францией 1870–1871 годов, было убито около 150 тысяч человек, что по количеству погибших примерно сопоставимо с войной в Чако 1932–1935 годов между Бolivией (население 3 миллиона) и Парагваем (население 1,4 миллиона). Одним словом, 1914 год открыл эпоху массового уничтожения (Singer, 1972, p. 66, 131).

Объем книги не позволяет обсуждать причины Первой мировой войны, которые автор этих строк попытался кратко обрисовать в работе “Век империи”. По существу, она началась как европейская война между Тройственным союзом (Францией, Великобританией и Россией) с одной стороны и “центральными державами” (Германией и Австро-Венгрией) — с другой.

Сербия и Бельгия были немедленно втянуты в нее после нападения Австрии на первую (что фактически развязало конфликт) и Германии на вторую (что являлось частью стратегического плана немцев). К “центральным державам” вскоре присоединились Турция и Болгария, Тройственный союз со своей стороны также постепенно вырос в очень широкую коалицию. Подкупом в него была вовлечена Италия. Там же оказались Греция, Румыния и (в основном номинально) Португалия. К союзникам присоединилась и Япония — по существу только для того, чтобы захватить позиции Германии на Дальнем Востоке и в западной части Тихого океана, однако ее интересы не простирались дальше пределов этого региона. И что более важно — в 1917 году Тройственный союз поддержали США, что в конечном счете и явилось решающим фактором.

Перед Германией, как и во время Второй мировой войны, встала проблема войны на два фронта довольно далеко от Балкан, где она оказалась благодаря своему союзу с Австро-Венгрией. Однако, поскольку в этом регионе находились три из четырех “центральных держав” (Турция, Болгария и Австрия), проблема здесь не стояла столь остро. Германия предполагала молниеносно разгромить Францию на западе, а затем с такой же стремительностью победить Россию на востоке до того, как царская империя сможет привести в действие всю свою колоссальную военную машину. Таким образом, как и во Второй мировой войне, Германия планировала молниеносную кампанию (которая впоследствии будет названа блицкригом), поскольку ничего другого ей просто не оставалось. Этот план почти увенчался успехом. Немецкая армия двинулась на Францию, помимо других маршрутов и через нейтральную Бельгию, и была остановлена только за несколько десятков миль от Парижа на реке Марне через пять-шесть недель после объявления войны. (В 1940 году подобному плану суждено было осуществиться.) Затем немцам пришлось немного отступить, после чего обе стороны (французы уже пополнили свои войска остатками бельгийской армии и британскими наземными силами) наскоро построили параллельные линии оборонных укреплений, которые протянулись без перерыва от побережья Ла-Манша во Фландрии до швейцарской границы, оставив значительную часть Восточной Франции и всю Бельгию под немецкой оккупацией. В течение следующих трех с половиной лет их позиции существенно не изменились.

Это и был знаменитый Западный фронт, ставший той страшной мясорубкой, какой история войн, вероятно, еще не видела. Миллионы людей смотрели друг на друга через брустверы из мешков с песком, наваленных над траншеями, в которых они жили подобно крысам и вшам и вместе с ними. Время от времени их генералы пытались вырваться из этого тупика. Дни, недели все нарастающих шквальных обстрелов, впоследствии назван-

ных одним немецким писателем “стальным ураганом” (Jünger, 1921), должны были подавить оборону противника и заставить его прижаться к земле, когда по команде волны людей через защищенные колючей проволокой брустверы бросятся в атаку к нейтральной полосе, в хаос полузатопленных воронок от снарядов, поваленных деревьев, грязи и брошенных трупов, чтобы быть скошенными встречным пулеметным огнем. Попытка немцев прорвать оборону под Верденом в феврале — июле 1916 года вылилась в сражение с участием двух миллионов солдат, из которых больше миллиона были ранены и убиты. Попытка провалилась. Наступление англичан на Сомме, имевшее целью заставить немцев отойти от Вердена, стоило Великобритании 420 тысяч убитых, причем 60 тысяч выбыло из строя в первый день наступления. Неудивительно, что в памяти англичан и французов, которые большую часть войны сражались на Западном фронте, она запечатлелась как “великая война”, оставившая по себе более страшные воспоминания, чем Вторая мировая. Французы потеряли почти 20 % мужского населения призывного возраста, и если включить сюда военнопленных, раненых, инвалидов и людей с обезображенными лицами, еще долго служивших зримым напоминанием о войне, окажется, что лишь один из трех французских солдат прошел Первую мировую войну невредимым. Шансы пяти миллионов английских солдат выйти из войны без увечий были примерно такими же. Англичане потеряли целое поколение — полмиллиона мужчин до тридцати лет (Winter, 1986, p. 83), главным образом среди высших слоев общества. Юные джентльмены, долг которых призывал их стать офицерами и подавать пример мужества, шли в бой во главе своих солдат и гибли первыми. Была убита четверть оксфордских и кембриджских студентов до двадцати пяти лет, служивших в британской армии в 1914 году (Winter, 1986, p. 98). Немцы, хотя число их убитых было даже больше, чем у французов, из своей гораздо более широкой призывной возрастной группы потеряли убитыми не так много — около 13 %. Однако даже значительно меньшие потери США (116 тысяч убитых по сравнению с 1,6 миллиона французов, почти 800 тысячами англичан и 1,8 миллиона немцев) ярко демонстрируют кровопролитность Западного фронта. Во Второй мировой войне потери США были в 2,5–3 раза больше, чем в Первой, но американские войска в 1917–1918 годах участвовали в военных действиях всего полтора года по сравнению с тремя с половиной годами во Второй мировой войне и воевали только на одном узком участке, а не по всему миру.

Ужасам войны на Западном фронте суждено было иметь еще более мрачные последствия. Безусловно, подобный опыт ужесточил методы ведения войны и политики: если на поле брани можно было не считаться ни с человеческими, ни с иными потерями, почему, собственно говоря, не посту-

пать так и в политических конфликтах? Большинство людей, прошедших Первую мировую войну главным образом в качестве новобранцев, вернулись домой убежденными пацифистами. Однако некоторых солдат, прошедших эту войну и не отторгнувших ее, опыт сосуществования со смертью и отчаянной храбростью укрепил в чувстве превосходства над другими людьми — в особенности над женщинами и теми, кто не воевал. Им суждено было пополнить первые ряды послевоенных ультраправых. Адольф Гитлер был лишь одним из тех, для кого опыт фронтовика, *Frontsoldat*, в дальнейшей жизни стал определяющим. Впрочем, прямо противоположная реакция имела равно негативные последствия. После войны политикам, по крайней мере в демократических странах, стало совершенно ясно, что такой кровавой бани, как в 1914–1918 годах, избиратели больше не потерпят. После 1918 года стратегия Англии и Франции, так же как и поствьетнамская политика США, была основана на этой исходной предпосылке. В 1940 году это помогло Германии одолеть не только Францию, вынужденную съезжиться за своими недостроенными укреплениями, а когда они были разрушены, оказавшуюся просто не в состоянии воевать дальше, но и Англию, всячески избегавшую вступления в обширную наземную войну, подобную той, которая выкосила ее население в 1914–1918 годах. Впоследствии демократические правительства не смогли преодолеть искушения сохранять жизнь собственным гражданам, пренебрегая жизнями граждан враждебных государств. Сбрасывать атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году не было никакой необходимости, поскольку победа к тому времени была уже совершенно очевидна. Целью этой акции было спасение жизней американских солдат. Да и изображение, что это сможет помешать союзнику США — СССР — укрепить притязания на главенствующую роль в поражении Японии, возможно, тоже присутствовало в умах американских политиков.

В то время как Западный фронт застрял в кровавом тупике, на Восточном происходили изменения. В первый месяц войны немцы сокрушили неудачное наступление русских войск в сражении под Танненбергом, а затем с помощью австрийцев изгнали Россию из Польши. Несмотря на редкие контрнаступления русских, было очевидно, что “центральные державы” одерживают верх, а Россия ведет лишь оборонительные бои, сопротивляясь наступлению немцев. На Балканах “центральные державы” также владели ситуацией, несмотря на неудачные военные действия трещавшей по швам империи Габсбургов. Их местные противники, Сербия и Румыния, в пропорциональном отношении понесли самые большие потери в военной силе. Союзники, даже оккупировав Грецию, не смогли продвинуться вперед вплоть до крушения “центральных держав” летом 1918 года. План Италии открыть еще один фронт против Австро-Венгрии в Альпах провалился, глав-

ным образом потому, что большинство итальянских солдат не видело смысла воевать за государство, которое они не считали своей родиной и на языке которого мало кто мог говорить. После крупного поражения при Капоретто в 1917 году, оставившего память о себе в романе Эрнеста Хемингуэя “Прощай, оружие”, итальянцам даже пришлось просить помощь у союзнических армий. Пока Франция, Великобритания и Германия выматывали друг друга на Западном фронте, Россия все более дестабилизировалась в результате войны, которую она явно проигрывала, а Австро-Венгерская империя все быстрее приближалась к краху, подталкиваемая местными националистическими движениями, что не вызывало никакого энтузиазма у союзников, справедливо предвидевших в результате нестабильную Европу.

Проблема преодоления тупика на Западном фронте была ключевой для обеих сторон, так как без победы здесь ни одна из них не могла одержать верх, тем более что к этому времени война на море тоже зашла в тупик. За исключением отдельных рейдов, предпринимаемых противником, союзники контролировали океаны, однако на Северном море английский и немецкий военные флоты, столкнувшись, парализовали действия друг друга. Результат единственной попытки затеять масштабную битву на море в 1916 году был весьма спорным, но поскольку это заставило немецкий флот возвратиться на свои базы, в конечном итоге преимущество осталось за союзниками.

Каждая из сторон старалась преуспеть, используя технические новшества. Немцы, традиционно сильные в химии, варварски применяли на полях сражений ядовитые газы, однако это не принесло ожидаемого результата. Следствием этих действий стал единственный случай истинно гуманного отношения государств к подобным способам ведения войны — Женевская конвенция 1925 года, благодаря которой мир дал торжественное обещание не использовать химических средств на полях сражений. И действительно, хотя все государства продолжали разрабатывать химическое оружие и ожидали, что противник будет делать то же самое, ни одна из сторон не применяла его во время Второй мировой войны, хотя никакие гуманные чувства не помешали итальянцам травить газами население своих колоний. Резкое падение нравственных ценностей цивилизации после Второй мировой войны в конце концов возвратило применение отравляющих газов. Во время Ирано-иракской войны в 1980-е годы Ирак, в то время с энтузиазмом поддерживаемый западными государствами, широко использовал их против неприятельских солдат и мирного населения. Англичане первыми начали применять бронемашину на гусеничном ходу, до сих пор известные под их кодовым названием того времени — “танки”, однако недальновидные британские генералы тогда еще не понимали их возможностей. Обе стороны использовали новые и еще ненадежные аэропланы наряду

со сконструированными Германией сигарообразными, наполненными водородом дирижаблями, производя опыты воздушных бомбардировок, к счастью без особого эффекта. Воздушные налеты также заняли подобающее место во Второй мировой войне, особенно как средство устрашения мирного населения.

Единственным новым оружием, имевшим решающее значение во время военных действий 1914–1918 годов, стала подводная лодка. Это произошло оттого, что обе стороны, будучи не в состоянии одолеть друг друга на поле боя, решили устроить блокаду мирного населения противника. Поскольку все снабжение в Великобританию поставлялось по морю, казалось, что острова можно задуть, усиливая яростные атаки подводных лодок на торговые суда. Эта затея в 1917 году была близка к успеху, пока не были найдены эффективные способы противодействия ей. И главным образом благодаря ей в войну вступили Соединенные Штаты. Англия в свою очередь изо всех сил старалась блокировать снабжение Германии, чтобы парализовать немецкую военную экономику и истощить немецкое население. Эти попытки оказались более успешны, чем предполагалось, поскольку, как мы увидим, немецкая военная экономика вовсе не была столь эффективной и рациональной, как об этом с гордостью заявляла Германия, в отличие от немецкой военной машины, которая как в Первой, так и во Второй мировой войне намного превосходила все прочие. Превосходство германской армии могло в тот момент оказаться решающим, если бы союзники начиная с 1917 года не получали поддержки США с их практически неограниченными ресурсами. Однако Германия, даже скованная союзом с Австрией, одержала полную победу на востоке, вытолкнув Россию из войны в революцию и лишив ее в 1917–1918 годах большей части ее европейских территорий. Вскоре после позорного Брест-Литовского мирного договора, заключенного в марте 1918 года, немецкая армия, которая теперь без помех могла сосредоточиться на западном направлении, совершила успешный прорыв на Западном фронте и вновь двинулась на Париж. И хотя благодаря притоку американских солдат и снаряжения союзники восстановили свои силы, некоторое время казалось, что планы Германии близки к осуществлению. Но это был последний рывок обессиленной страны, предчувствовавшей близкое поражение. Когда летом 1918 года союзники начали наступление, до окончания войны оставалось всего несколько недель. “Центральные державы” не только признали свое поражение — их правительства потерпели полный крах. Осенью 1918 года революция захлестнула Центральную и Юго-Восточную Европу так же, как Россию в 1917-м (см. следующую главу). От границ Франции до Японского моря ни одно правительство не удержалось у власти.